

кандидат педагогических наук,
доцент общеуниверситетской кафедры
мировой литературы и культуры
имени профессора О. Мишукова
Херсонского государственного
университета

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ЖАНРА СОВРЕМЕННОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.И. СЛАПОВСКОГО «ВСПЯТЬ: ХРОНИКА ПЕРЕВЕРНУВШЕГОСЯ ВРЕМЕНИ»)

Время – одна из основополагающих координат бытия. В художественном произведении время является формально-содержательной категорией, которая не только отображает бытие, но и создает, формирует его и при этом имеет жанромоделирующее значение. М. Бахтин отмечал, что «жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [1, с. 234–235].

Обоснование жанрообразующей роли категории времени стало отправной точкой в осмыслении эволюции романа и системы жанров в литературоведении XX – XXI вв. Категория времени стала предметом рефлексии целого ряда ученых, среди которых М. Бахтин, Дж. У. Данн, Ю. Лотман, В. Руднев, М. Хайдеггер и др. При всем многообразии концепций времени в литературоведении продолжают настойчивые попытки определить контуры основных темпоральных художественных моделей. Среди заметных работ последних лет, обращенных к данной проблеме, – монография В. Руднева «Новая модель времени» (2015 г.), где ученый, анализируя и обобщая научный опыт предшественников, структурирует модели мифологического, эсхатологического, энтропийного, многомерного и полифонического времени («гипервремя»). Последнее в структуре постмодернистского романа проявляется как синтез различных типов времени [8].

Актуальным аспектом данной проблемы являются способы выражения темпоральности художественного бытия в современном романе. Отображая многомерную действительность, время зачастую принимает нелинейные конфигурации и включается автором в условия нравственно-социального эксперимента. Цель статьи – выявить темпоральные маркеры и их художественные функции в романе «Вспять: Хроника перевернувшегося времени» (2013 г.) А. Слаповского, «одного из самых ярких авторов девяностых», «одного из лучших писателей среднего поколения», по оценке А. Немзера [7].

В романе постнеклассической эпохи принцип игры со временем, изначально присущий фольклору и научной фантастике, стал приемом хронологической организации в соответствии с новыми парадигмальными сдвигами в науке и искусстве. Среди парадоксов нелинейного времени, которые нашли свое отображение в литературе, нередко встречаются «именованные», такие как «стрела времени» (А. Эдингтон), «машина времени» (Г. Уэллс), «эффект бабочки» (Р. Брэдли), «узел парадокса», «темпоральная трещина» (Р. Шекли) и др. В научной фантастике середины XX в. наращивается арсенал темпоральных инноваций, потеснивших принцип хронологической линейности в художественной литературе: «Петли времени, прерывистое время, в дырах которого мерцают параллельные времена, антивремя и время флюктуаций – реализации невероятностей, – создают ситуации, не поддающиеся обрамлению традиционной хронологией» [2, с. 136]. Л. Геллер отмечает, что с научной фантастикой в современный роман входит «подлинно литературное время», где «смена декораций, сосуществование разных пространств, разного быта» раскрывает новые грани общественного бытия [2, с. 138].

Социально-психологический эксперимент в условиях парадоксальной модели времени – характерная черта творчества А. Слаповского. Писатель нередко использует невероятное как способ исследовать обыденное (романы «Я не Я» (1994 г.), «Первое второе пришествие» (1991 г.), «Победительница» (2009 г.) и др.). Применяя фантастические допущения, автор задает хронологические параметры эксперимента и исследует, как поведут себя герои в новой модели существования, где будущее возможно лишь как возвращение в их прошлое. Герои его романа «Вспять...» оказываются в условиях созданной автором темпоральной западни. Этот прием известен по таким прецедентным текстам культуры, как «Загадочная история Бенджамина Баттона», «Назад в будущее», «Зеркало для героя», «День сурка». Герои романа А. Слаповского узнают их в своей ситуации: «*Но везде люди попадали в прошлое или будущее поодиночке или небольшими группами. А тут все, ты понимаешь!*» [10, с. 33]. Они рассуждают о современных концепциях времени, о втором законе термодинамики и энтропии. Перевернувшееся вспять время герои романа называют «энтропийным», ведущим к глобальной катастрофе: «*Если упрощенно: энтропия изолированной системы не может уменьшаться. Только увеличиваться. Только вперед. К тепловой смерти Вселенной*» [10, с. 33]. Герои романа ищут ключи к временному парадоксу в библейских притчах, мифологии. И при этом ясно понимают нелепость и неотвратимость неожиданного испытания.

В соответствии с темпоральной доминантой жанр романа «Вспять...» исследователи определяют как социальный роман-эксперимент, как «ретродистопию» [3; 9]. «Писатель избрал свою версию художественной игры со временем и жанровую модификацию – ретродистопию – возможность поправить прошлое, извлечь уроки из сложившейся судьбы» [3, с. 369]. В отличие от классических опытов ретроутопии, т. е. идеализации прошлого, – отмечает Т. Дикун, в ситуации временной формулы А. Слаповского действует «обратный онтогенез живого» [3, с. 369].

Такой эксперимент позволяет воскресить в новом ракурсе бессмертную историю «глуповцев», перенесенную в заштатный российский городок Рупьевск начала XXI в. Вместе с тем в произведении проявляется «память жанра» хроники, в частности, города Рупьевска в период между 2012 и 2000 гг., но в обратном порядке летоисчисления. Эти хронологические координаты, как отмечает С. Секретов, выбраны автором неслучайно. Время, предшествовавшее написанию романа, было наполнено эсхатологическими спекуляциями средств массовой информации (далее – СМИ). Ожидание «конца света» подогревалось то магией цифр «12.12.12», то предполагаемым «зависанием» мировой компьютерной сети на цифре «ноль» (2000 г.), то в связи с окончанием цикла календаря майя «21.12. 2012 г.» [9].

Критики справедливо отмечают, что временной парадокс в романе отнюдь не подчинен цели создания фантастической действительности, а является способом исследования социокультурных проблем современного общества [3; 9]. Вместе с тем А. Слаповским поднят и целый ряд онтологических проблем. В названии романа присутствует субъективная характеристика времени («перевернувшееся»), что наделяет этот образ мифологическими признаками. В эпиграф романа вынесены слова из Откровения Иоанна Богослова об Апокалипсисе: *«Войди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего»* (Откр.: 4.1), что задает эсхатологический модус повествования.

Композиционно роман формируют главы ретро-хронологии, временной фактор которых задан открывающими их сводками СМИ. Несколько ключевых мировых тем в телетайпных заголовках отражают движение новостей назад, от следствий к причинам, словно кинемеханик крутит ленту в обратном направлении. Динамика «перевернувшегося» времени создается затухающей новостной ритмикой: вначале новости отслеживаются ежедневно, затем – раз в неделю, в месяц, в год... Лишь в эпилоге кратко сообщается, что ситуация в итоге вышла из темпорального штопора, время взяло правильный курс и, совершив немислимый кувырок, вернуло все на круги своя. После катаклизма, случившегося 6 октября 2012 г. и обратившего время вспять до 31 декабря 2000 г., неожиданно и необъяснимо вернулась законная дата – 7 октября 2012 г.: *«Все вздохнули с облегчением, а через неделю и вовсе успокоились»* [10, с. 312].

Завязка романа предопределяет не только развитие действия, но и начало социального эксперимента в новых координатах существования. В Рупьевске, заштатном городке-спутнике горно-обогатительного предприятия (в народе именуемом «ГОП»), играют пышную свадьбу дочери главы администрации и сына ГОП-директора. На берегу реки бывший парень невесты Илья, напившись с горя, внезапно замечает, что речка Шашня течет в обратную сторону, унося октябрьские листья от своего устья к истокам. Река – архетипический образ, который ассоциируется с течением времени, жизни, судьбы. Воды, обращенные вспять, воскрешают библейские параллели и открывают онтологические коннотации образа. Традиционно свадебным пиром завершаются испытания героев, но в том месте, где река повернула вспять, свадьба становится точкой календарного отсчета времени в обратном порядке.

В начале повествования жизнь Рупьевска показана на экономическом подъеме, созданном теневыми законами «лихих девяностых». С поворотом времени вспять на глазах у всех происходит стремительное сворачивание ГОП-производства, а вместе с ним и благосостояния Рупьевска. Тают, как песчаные замки после прилива, недавно возведенные дома новорусской аристократии. Нелинейное течение времени находит свое отображение в обратной динамике урбанистических и природных объектов: снижаются этажи строительства, самолет заходит на посадку задним ходом, уменьшается высота растений, птицы улетаю с юга на север хвостами вперед, змея ползет задом наперед... Многим тогда показалось, что *«звезды падали, коротко прочерчивая небо, не сверху вниз, а снизу вверх»* [10, с. 21].

Топос Рупьевска становится подобием мифологической универсалии города, где проявляются не только историко-культурный синдром постсоветской ментальности, но и общечеловеческие законы бытия. Рупьевск типологически близок Глупову, Орану, Макондо, Чанджоэ. Здесь время течет по метафизическим законам, обнажая сущность человеческих отношений. На пересечении мифа и реальности, в зоне фантастического эксперимента, сознанный авторской игрой со временем, ведется исследование ряда глубоких философских проблем.

А. Слаповский использует реверсную модель времени. Особенностью ее конфигурации в романе становятся темпоральные петли (своеобразный шов «назад иголкой»), по которым выстраивается хронотоп. Непостижимым образом в часовой отметке «00.00» происходит скачок во времени назад, и человек помимо воли оказывается в пространственно-временном локусе прошедшего дня, в тех же обстоятельствах, в которых он пребывал накануне. В течение же суток время движется привычно, действуют естественные причинно-следственные связи линейного времени. Для героев романа это означает, что вернувшись в прожитый день, человек, вооруженный памятью о его последствиях, способен повлиять на ситуацию, принять иные решения, изменить события (или хотя бы свое отношение к ним), путь даже внутри одних суток. Новое время дает героям второй шанс – прожить жизнь по-другому!

Соединяя линейное и нелинейное время, А. Слаповский создает новаторскую темпоральную модель с широким спектром философских и художественных возможностей. Хроника жизни первых семи дней после «темпорального переворота» – это гротескный парафраз «семи дней творения» мира, освоение героями зоны эксперимента. Время проходит в ожидании Седьмого дня, завершающего перевернувшееся мироустройство, после которого надежды на возвращение времени на круги своя у людей уже не будет.

Парадоксально, однако новая жизнь открывает многим рупьевцам немало выгод. Можно не работать – в холодильнике появляются съеденные вчера продукты, в кошельке – полученная накануне зарплата, в магазинах – прежде завезенные товары. Мифологические отсылки к «неразмемному пятаку» внутри этой темпоральной кон-

цепции разрастаются до масштабов «неразменной» жизни. Покатившееся вспять время находит свое отображение в гротескном парафразе евангельских образов воскрешения из мертвых: умершие накануне оживают, больные выздоравливают, старики молодеют... Библейские чудеса становятся частью повседневности. Для кого-то это и есть «рай на земле». Их концептуальным слогом становится «Время, назад!».

Вместе с тем время, покатившееся вспять, обнажает и не менее грандиозные проблемы. Горно-обогательное предприятие день ото дня теряет доходы, сворачивается добыча руды, уменьшаются строительные работы. Сколько ни работай – результаты трудов сведет на нет стрелка часов, добравшаяся до отметки «ноль»: исчезнет уложенный асфальт, суточная выработка горной породы, выручка в магазине, созданные произведения искусства, принятые законы... Мифологическим эквивалентом последствий темпоральной коллизии становится миф о Сизифе, с его посылом о тщетности человеческого труда. Какой смысл сегодня строить, если завтра все начинать сначала?! Но если древнегреческий герой Сизиф продолжает катить камень на гору, то рупьевские герои бездельничают, играют в козла, заранее зная, кто побегит за водкой. Их нельзя наказать ни увольнением (приказ назавтра исчезнет как никогда не существовавший), ни штрафом – деньги ведь приходят из предыдущей зарплаты... Так мифологический мотив вечного труда гротескно оборачивается вечным бездельем.

Текущее вспять время словно пожирает бытие. Художественная ситуация в романе ремифологизирует мотив одного из древнейших мифов о Хроносе, пожирающем своих детей. В Рупьевске нового времени счастье воскресших стариков затмевается несчастьем исчезновения младенцев. Взрослых ожидает неотвратимое впадение в детство, отягощенное памятью взрослой жизни и знанием даты собственной смерти. Для многих жителей Рупьевска – это и есть наступивший «конец света».

Эсхатологическое мироощущение поддерживает и миллинарный вектор реверсной хроники, приближающей жителей к 2000 г. – к рубежу тысячелетий. Слоганы «Конец света не будет!» и «Конец света уже наступил!» сливаются в гротескный образ амбивалентного бытия/небытия. Одним из концептов времени является «пустота», по замечанию И. Куриленко, «самый выразительный символ временного изменения бытия эпохи постмодерна» [5, с. 70]. Исследователи отмечают ее амбивалентный характер: «С одной стороны, «пустота» времени будет представлять как «бездна» («иррациональная», в которую проваливается космос человеческого бытия), а с другой – как «лоно» (всех человеческих феноменов, сфера возможностей)» [6]. Сползать в «бездну» или искать «возможности»? Такой выбор предстоит сделать героям романа.

Согласно идеям философов-экзистенциалистов (М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, А. Камю и др.), меру свободы личности определяет мера ее ответственности за свой выбор. Человек не несет ответственности лишь в акте своего рождения. Личность как субъект выбора и ответственности может состояться только в континууме времени: «До «встречи» со временем человека как существования нет», – отмечает философ Д. Мельников [6]. Эта глубинная сентенция находит свое художественное осмысление в романе. В хронотопе суток соединены зоны фатума и личного выбора. Сталкиваясь с собой, вчерашним, каждый может сделать иной выбор, бросить вызов всецелю обратного течения времени. Однако кто-то решает катиться назад, в небытие, за временем, а кто-то пытается жить по ориентирам своего внутреннего времени, всегда обращенного вперед.

В рупьевской хронике выбор большинства персонажей определен стремлением вписаться в ускользающее время, успеть испытать все запретные соблазны плоти, нарушить нравственные и общественные законы, ведь вместо завтра наступит вчера, уничтожая следы любых преступлений. Жителей города влечет соблазн греха без кары, преступления без наказания – и они пускаются во все тяжкие. Убийства, погромы становятся «молодецкой забавой», на которую собирается поглазеть почти весь город.

В попытках увернуться от катка времени, возвращающего человека в детство, подростки спешат попробовать алкоголь, наркотики, случайный секс. Их не страшат последствия – ведь через некоторое время они снова будут здоровы! Школьники, спровоцировав потасовку среди подвыпивших мужчин, с азартом учиняют погром – с убитыми и ранеными. Ведь в «00.00» они перенесутся на день назад, до совершения преступления, и все жертвы окажутся живыми и невредимыми, следов погрома не будет, а больница и морг в момент опустеют!

Новая темпоральная данность фактически устраняет причинно-следственную связь между выбором и ответственностью и по-новому интерпретирует классическую проблему «преступления и наказания». Неслучайно на страницах романа рассеяно множество аллюзий на роман Ф. Достоевского. Но чего рупьевцам «париться» из-за преступлений – ведь в завтрашнем вчера этого не было! Так в романе мотив «преступления и наказания» проявляется в гротескно-перевернутом варианте «преступление без наказания». Но как быть с памятью, из которой преступления, в отличие от обратного календаря, не исчезнут? И что является критерием для определения преступления – исчезающие доказательства или фактическое проявление зла? Мера ответственности за свой выбор определяет степень свободы/несвободы героев в романе.

Фантастическая ситуация в произведении часто ведет, по определению Л. Геллера, к созданию «психологического времени – к своеобразному психологическому эксперименту» [2, с. 133–134]. Время в романе А. Слаповского проявляет психологические маркеры. «Время течет туда, куда его направит человеческое сознание <...> Время и пространство перестают иметь границы, определенные объективными физическими законами» [2, с. 139]. Среди героев романа есть и такие, для которых время – это вектор внутреннего самоопределения, и оно движется только вперед! Врач скорой помощи по-прежнему лечит и оперирует, вопреки насмешкам: завтра, дескать, пострадавшие и без операций будут здоровы! Заботливая жена ухаживает за мужем, зная, что обратно текущее время и так вернет ему здоровье. А если нет? Как тогда жить, зная, что ты ничего не сделал для спасения человека? Протагонист романа Славка Посошок разоблачает преступность и проповедует любовь к ближнему. Ждет свою

первую любовь и главный герой романа Илья. Однако возвращенная «вспять», она кажется ему фальшивой. Герой понимает фатальную запрограммированность ситуации, при «втором дубле» любовь превратилась в ожидаемое, безрадостное прошлое.

Реверсная модель времени отбрасывает жителей Рупьевска к антиутопической деградации культуры: «Смысл культуры состоит в том, что человек не должен зависеть от «внешнего», стихийного времени <...> Эта особая темпоральность – духовно-культурная среда обитания людей, имеющая очень важное непосредственное экзистенциальное значение» [6]. Искусство в новой ситуации оказывается под угрозой. Вспять повернувшееся время уничтожает произведения живописи, архитектуры, литературы. Здесь может выжить лишь «однодневное» искусство – с утра сценарий, к обеду съемка, к вечеру – показ фильма! Утром музыка, к обеду стихи, к вечеру концерт! Такое искусство – каким бы громким ни был успех – уходит в небытие как вырезанный кадр киноплёнки. Самое ценное люди передают по памяти, литература неуклонно возвращается к своим истокам – устному народному творчеству.

Искусство идет двумя путями: во след всепоглощающему Хроносу, по законам энтропии, или против сползания в небытие. В. Руднев утверждает: «Идея бессмертия в культуре заключается в том, чтобы постоянно глушить энтропию» [4]. Время в романе А. Слаповского «Вспять...» отображает проблемы прошлого, настоящего и будущего как социокультурного единства. При этом, как справедливо замечает Д. Мельников, «<...> очень важно осознавать, что социокультурное время подвержено распаду, всегда провоцирующему антропологический кризис. Говоря иначе, в любой момент из «лона» оно может превратиться в «бездну» [6].

Таким образом, категория времени является жанрообразующим фактором романа-хроники, художественную картину мира формирует реверсная темпоральная модель, где соединяются нелинейное и линейное время. В романе оно сопряжено с рядом онтологических и эсхатологических проблем. Темпоральные образы включают маркеры социокультурного, мифологического, психологического, антиутопического времени. «Перевернувшееся» время создает экзистенциальную ситуацию нравственного выбора и личной ответственности. Временной вектор «вспять» отображают гротескно-оксюморонные образы будущего-прошлого, смерти-воскрешения, преступления-без-наказания; преходящего искусства и др.

Литература:

1. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
2. Геллер Л. Вселенная за пределом догмы / Л. Геллер. – Лондон : Overseas Publications Interchange, 1985. – 446 с.
3. Дикун Т. Жизнь и смерть сквозь призму игры со временем : ретродистопия А. Слаповского «Вспять» как социальный роман-эксперимент // Философия жизни в русской литературе XX – XXI вв.: от жизнестроения к витальности : [монография] / Ю. Брюханова и др. ; под ред. И. Плехановой. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2013. – 369–377 с.
4. Колесова К. «Идея бессмертия в культуре заключается в том, чтобы постоянно глушить энтропию»: Вадим Руднев о моделях времени / Текст. Интервью // Theory & Practice от 19 октября 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://theoryandpractice.ru/posts/7481-rudnev>
5. Куриленко І. Деконструкція концепту часу в посткультурі / І. Куриленко // Культура України. – 2016. – Випуск 52. – С. 66–73.
6. Мельников Д. Время как проблема онтологии культуры / Д. Мельников // Мир человека. – 2008. – № 2. – С. 89–97 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://money-dom.su.scipeople.ru/publication/99471/>
7. Немзер А. Замечательное десятилетие. О русской прозе 90-х гг. / А. Немзер // Новый мир. – 2000. – № 1. – С. 199–219 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/12/novels.html
8. Руднев В. Новая модель времени : [монография] / В. Руднев. – М. : Издательство «Гнозис», 2015. – 286 с.
9. Секретов С. Время – назад! / С. Секретов // Знамя. – 2014. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://znamlit.ru/publication.php?id=5541>
10. Слаповский А. Вспять: Хроника перевернувшегося времени : [роман] / А. Слаповский. – М. : АСТ, 2013. – 314 с.

Анотація

Н. НЕВ'ЯРОВИЧ. ТЕМПОРАЛЬНІ МАРКЕРИ ЖАНРУ СУЧАСНОГО РОМАНУ (НА МАТЕРІАЛІ ТВОРУ О.І. СЛАПОВСЬКОГО «ВСПЯТЬ: ХРОНИКА ПЕРЕВЕРНУВШЕГОСЯ ВРЕМЕНИ»)

Стаття присвячена проблемі темпоральних моделей у жанрі роману-ретрохроніки О. Слаповського «Вспять: Хроника перевернувшегося времени» (2013 р.). Досліджуються лінійні та нелінійні моделі у структурі хронотопу сучасного роману, зв'язок темпоральної колізії твору із соціально-філософським експериментом і його наслідками в контексті екзистенціальної проблематики. Художні маркери часу розглянуті в міфологічному, соціокультурному, психологічному, філософському аспектах. Категорія часу відображена в поезиті надзвичайного й одночасно вбудована в реалістичний дискурс як чинник перевернутої онтологічної моделі буття. Центральними прийомами постають гротеск, парадокс, інтертекстуальна гра, аллюзія.

Ключові слова: темпоральна модель, екзистенційна ситуація, соціокультурний експеримент, нелінійний час, гротеск, парадокс.

Аннотация

**Н. НЕВЯРОВИЧ. ТЕМПОРАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ ЖАНРА СОВРЕМЕННОГО РОМАНА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.И. СЛАПОВСКОГО
«ВСПЯТЬ: ХРОНИКА ПЕРЕВЕРНУВШЕГОСЯ ВРЕМЕНИ»)**

Статья посвящена проблеме темпоральных моделей в жанре романа-ретрохроники А. Слаповского «Вспять. Хроника перевернувшегося времени» (2013 г.). Исследуются линейные и нелинейные модели в структуре хронотопа современного романа, связь темпоральной коллизии произведения с социально-философским экспериментом и его последствиями в контексте экзистенциальной проблематики. Художественные маркеры времени рассмотрены в мифологическом, социокультурном, психологическом, философском аспектах. Категория времени отображена в поэтике необычайного и одновременно встроена в реалистический дискурс как фактор перевернутой онтологической модели бытия. Центральными приемами выступают гротеск, парадокс, интертекстуальная игра, аллюзия.

Ключевые слова: темпоральная модель, экзистенциальная ситуация, социокультурный эксперимент, нелинейное время, гротеск, парадокс.

Summary

**N. NEVYAROVICH. TEMPORAL MARKERS OF THE MODERN NOVEL GENRE
(BASED ON THE WORK “BACK. CHRONICLE OF TURNING OVER TIME” BY A.I. SLAPOVSKY)**

The article is devoted the problems of temporal models in the genre of novel-retrochronicle “Back. Chronicle of turning over time” (2013) by A. Slapovski. In the article it is examined linear and nonlinear models in the structure of chronotope of modern novel, connection of temporal collision of the work with a social-philosophical experiment and its consequences in the context of existential range of problems. The artistic markers of time are considered in mythological, social and cultural, psychological, philosophical aspects. The category of time is represented in poetics in an extraordinary way and in the same time it is built-in in realistic discourse as a factor of the inverted ontological model of life. A grotesque, paradox, intertextual game, allusion become central devices.

Key words: temporal model, existential situation, social and cultural experiment, nonlinear time, grotesque, paradox.